

В. Е. Триодин²

ПРОШЛОЕ КАК ПРОЕКТ БУДУЩЕГО

Есть события, по поводу которых общество в обозримом будущем вряд ли придет к консенсусу, проложит тропу согласия. Одно из них — образование СССР. Оно произошло сто лет назад — 20 декабря 1922 года. Юбилей на государственном уровне страна отмечала, но не праздновала.

На личностном уровне все сложнее. Ибо есть не одна некая правда или вымысел, а множество точек зрения. Сколько людей — столько мнений. Но это не интеллектуальная междоусобица. Каждая точка зрения несет в себе долю истины, сочетает несовместимое. Как известно, революция расколола общество, привела к Гражданской войне. По разные стороны развела она и творческую интеллигенцию. Писателей называют нервом народа. Тем интереснее напомнить об их противостоянии в восприятии великого переворота, у которого были и апологеты, и противники.

Андрей Белый приветствовал Октябрь, видел в нем очистительную силу, «святое безумие». Другие демонизировали революцию. Иван Бунин заклеил ее как «окаянные дни». Федор Сологуб увидел в ней новую эпоху «крещения грязью». Александр Блок выразил свое отношение к революции в одной из величайших и едва ли не самой загадочной поэме «Двенадцать». Не случайно, поставив последнюю точку в этом произведении, Блок записал в своем дневнике: «Сегодня я — гений». «Революционный шаг» держит патруль из двенадцати красноармейцев. Число символическое: столько апостолов было у Христа. Они «идут без имени святого... ко всему готовы», им «ничего не жаль». Объединяющая их идея: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь... — толстозадую». И пальнули... только в Катку «толстоморденскую». Не усматривал ли Блок здесь какую-то едва ощутимую взаимосвязь? Большевист-

ская пресса внесла поэму в святцы соцреализма, объявила, что красноармейцев-апостолов ведет Сын Божий. Но в евангельском тексте имя Христа пишется через две «и» — Иисус. У Блока впереди идущий — Исус (с одной «и»). В руках у него — кровавый флаг. Да добавок он еще «в белом венчике из роз», как какая-то артистка из кабаре. И замыкает шествие голодный пес как символ старого мира. Весьма сомнительно, что подлинный Христос возглавляет патруль. Скорее всего, это Другой (антихрист). И ведет он красноармейцев ложным путем. Образ Другого Христа сохранился и в творчестве поэтов рубежа XX–XXI веков. «Шел не Христос по водам — по крови деспот шел в бесшумных сапогах» (А. Вознесенский).

Так какое же государство построили блоковские красноармейцы в СССР? Столбовую дорогу цивилизации или сказку про белого бычка? Светозарную Русь или Тьмутараканище? Землю обетованную или монстр-государство? И кто руководил строительством? Идеалы или идолы? Гении или злодеи? Христос или Антихрист? И что получилось в итоге: правда или кривда?

Думается, что вопросы сформулированы таким образом, что любой ответ на них будет односторонним, несущим не объективную истину, а субъективный взгляд. Более того, так ставить вопросы нельзя, ибо они уводят от правильного понимания истории, места и роли исторических деятелей.

Дело в том, что человек по природе своей амбивалентен. В нем есть единство и борьба противоположностей. В одном флаконе содержатся добро и зло, святость и грех, Моцарт и Сальери. «Я царь — я раб, я червь — я Бог» (Г. Р. Державин). Поэтому черно-белое кино, «или — или» здесь не подходят. Сложившаяся система, как и ее лидеры, — единство и борьба противоположностей. К тому же социализм строился не на голом месте. К примеру, доминантная черта социализма — коллективизм — имеет глубокие исторические корни.

Жизнь сообща — способ существования человека. В одиночку не выжить. Человек — социальный организм. «Я — суверенное государство», — интеллектуальный эпатаж философа Александра Зиновьева. Только барону Мюнхгаузену удалось вытащить самого себя из болота за волосы.

Социальный тип личности впервые в человеческой истории взрастил родоплеменной строй, который иногда называют первобытным коммунизмом. Крещение — поворотное событие в российской истории.

² Ведущий профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры РФ. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Педагогические основы культурно-просветительной работы», «Клуб и свободное время», «Педагогика клубной работы», «Социально-культурная деятельность в условиях кризиса и его преодоления», «История социально-культурной деятельности», «Век нынешний и век минувший (Опыт исследования культурно-образовательных проектов социализма в рыночных условиях)», «Сага о времени и о З. В. Чаловой. Опыт биографии» и др. Почетный председатель Санкт-Петербургского отделения Российского творческого союза работников культуры. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП.

Православная церковь обогатила первобытную социальность соборностью. Собор — центральный храм. Соборность — духовное единение воцерковленных людей. Соборяне — «братья по ладони, пробитой гвоздем» (Вл. Костров).

Октябрьская революция 1917 года в очередной раз повернула колесо истории. Традиционно революцию сводят к свержению политического строя. Но это, прежде всего, новый тип общности — коллективизм (от *лат. colligo* — соединять, объединять), новый тип человека — коллективист. Коллективизм предполагает солидарность и взаимопомощь людей. В сложившейся практике советского общества он стал советским вариантом соборности. Соборность на государственном уровне привела к нивелировке личности, самооскоплению, растворению «я» в «мы». «Закончилось время человека как индивида и наступило время человека массы» (Ортега-и-Гассет).

Советское государство было не просто атеистическим, а воинственно атеистическим. Оно подмяло под себя церковь. Тем любопытнее, что православный крест прорастал в нем сквозь марксизм. Такой вот оксюморон — сочетание несочетаемого.

Начнем с вождей. В обществе складывалось сакральное отношение к власти. Ее обожествляли. Первый признак святости — бессмертие. В массовом сознании Ленин не только жил, но жив и сегодня. И будет жить вечно. То есть он бессмертен, как Бог. Атмосфера всеобщего обожествления окружала и Сталина. Ему верили больше, чем самим себе. Он стал пантократором (всевластителем, вседержителем). Во всех служебных кабинетах, во многих частных домах висели, как иконы, портреты Ленина, Сталина. Их произведения воспринимали как текст Священного Писания. Социализм становился новой ипостасью Святой Руси, народной мечтой о земном рае, вариантом гражданской религии. В самом деле, СССР стал землей обетованной. Вся сущность советского человека была пропитана послушанием, как у монахов в монастыре. Гимн в обыденном сознании воспринимался как гражданская молитва народа. Соборность заменил коллектив. Библией стал краткий курс истории ВКП(б). Культивировалась почти религиозная литература о духе, смиряющем и побеждающем плоть, например «Как закалялась сталь» Николая Островского, которого Анри Барбюс называл советским Иисусом Христом. О Великой Отечественной войне народ пел как о войне священной. Сталин, обратившись к гражданам, назвал их «братья и сестры». Вера была движущей силой и в православии, и в социалистическом обществе. Люди верили, что и небывалое возможно: сказка станет былью, утопия — реальностью. Фундаментальное отличие было только одно. В Библии Бог создал человека. При социализме человек сам пытался творить своих богов, собратьев, будущее.

Кажется, сбылась заветная мечта Козьмы Прутков — ввести одно господствующее мнение по всем событиям и вопросам. Здесь идеологи социализма заметно преуспели в массовом массаже мозга. Подавляющее большинство населения не сомневалось, что СССР — государство-Солнце. Советский человек — солнечный

человек. И рожден он, чтобы жить в солнечном социализме. И народ самозабвенно пел песню-утопию: «Завтра будет лучше, чем вчера». Сегодня такое восприятие окружающей действительности объясняют отличной сработанной системой зомбирования монстра-государства, «империи страха» (Б. Окуджава). Страх агрессивно воздействует на подсознание. Насилие всегда было повивальной бабкой истории. Стоит ли удивляться, что в плоть и кровь нового человека вошла заповедь «не должно сметь свое суждение иметь». Тем не менее быстрота зомбирования поражает. Иначе как одержимостью это не назовешь.

Массовое самоощущение советского человека очень точно выразил Роберт Рождественский: «Мне Земля для жизни более пригодна после Октября семнадцатого года». Его дополнил Олег Газманов: «Сделан я в СССР».

В чем же специфика «сделанного» в СССР человека? В деперсонализме — отказе от собственной личности. «Я буду там, где должен быть, куда поставит класс» (С. Чекмарев).

Класс начинал расставлять людей с самого малого возраста: октябрят, пионеры, комсомольцы, коммунисты. Включение в коллективы избавляло их от ощущения социального сиротства, смятения в умах. Но была и скверна в новом жизнеустройстве. Она состояла в слепом подчинении впередсмотрящим. В стране был «один вожатый — товарищ ВКП» (В. Маяковский). И была главная заповедь для всех: «Быть таким, как нам приказано» (А. Галич). «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!» «Будь готов! — Всегда готов!» Е. Евтушенко позднее назвал такой тип человека «будьготовчиком». Его выразительный портрет нарисовал А. Галич: «Но, как пес, гремя ошейником, / Я иду, повесив голову, / Не туда, куда мне хочется, / А туда, где: — Ать — два — три!» Абсолютизация «мы» была опасна и для государственного строительства. «Если все шагают в ногу — мост об-ру-ши-ва-ет-ся» (А. Галич). Вместе с тем включение человека в коллектив приучало его работать в команде, сообща. «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет» (И. Крылов). И хотя СССР не состоялся, но сохранился в сознании многих как величайшее завоевание.

И никуда от этого не деться. Главные вложения СССР были в человеческий капитал — в образование, медицину, науку. Советское образование долгое время считалось лучшим в мире. Добавим к этому низкие цены на жилье и жилищные услуги, бесплатные здравоохранение и образование (среднее и высшее), переселение из коммунальных квартир в отдельные, широкий доступ к культурным ценностям (дешевые книги, билеты в зрелищные учреждения), послевоенное ежегодное снижение цен на продукты питания, товары массового спроса и т. п. Судить о социалистическом государстве надо по изменению человека. Как резковато, но точно сказал об этом Илья Эренбург, эмбрионы людей постепенно становились личностями. Победу в войне, космосе, в становлении страны как мировой державы обеспечили образованные люди. Оппоненты могут возразить, что это все рассказы о советском мороженом. Советское значит отличное. Какая-то вариация сток-

гольмского синдрома, когда заложники сочувствуют захватчикам, жертвы испытывают любовь к обидчикам. Но ведь были же и репрессии. Были. Автор не относит себя к манкуртам, страдающим поражением центров памяти. Точнее публично оболганной Анны Ахматовой никто, пожалуй, не сказал о массовом терроре: «Разве забыли мои уста / Вкус твой, горе!», «И безвинная корчилась Русь / под кровавыми сапогами / И под шинами черных марушь». И, наконец, личная трагедия поэта: «Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне». Музу блокадного Ленинграда Ольгу Берггольц арестовали беременной. На следствии ее били до выкидыша. Помолитесь о жертвах массового террора.

И все-таки надо сказать, что было бы большой ошибкой видеть истоки беды в сатанизме одного человека или группы людей, поддерживающей его. Мировая история учит, что неизменным спутником революции всегда было насилие. И даже Господь Бог лишил жизни всякую плоть (кроме Ноя и его семейства), когда увидел, как велико развращение. А потом были уничтожены города Содом и Гоморра за новые грехи их жителей. Сопrotивление египетского фараона выходу израильского народа привело к десяти казням египетским. Не было дома, где не было бы мертвеца.

Да, сегодня можно говорить о неполном соответствии замысла революции его исполнению. Ах, кабы нам всем тот разум, который приходит опосля! Сталин и его команда, как сталкеры, шли непроторенным путем. Ошибки здесь неизбежны. Но главная тенденция состояла в сознательном нарушении «нельзя» во имя «надо» (З. Гиппиус). Оценку вечного столкновения мечты и реальности лучше всех выразил Пьер-Жан де Беранже: «Господа! Если к правде святой / Мир дороге найти не сумеет, / Честь безумцу, который навеет / Человечеству сон золотой». Прочеты СССР были учтены Китаем. Он не отказался от социализма, а построил его с китайской спецификой. Сегодня это наиболее быстро растущая экономика мира.

Распад СССР был «крупнейшей геополитической катастрофой» (В. В. Путин). Ее величество История требует, чтобы строительство новой жизни начиналось не с чистого листа. Прошлое — это не пыль веков. Дмитрий Сергеевич Лихачев учил рассматривать прошлое как проект будущего. Надо учиться оглядываться на прошлое, не боясь превратиться в соляной столб. Разумеется, не допуская тех ошибок, которые принимались за озарение. Только так страна выйдет на верную дорогу.